

АБАКУМОВА Екатерина Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела социальных и
правовых исследований Института философии и права СО РАН,
доцент кафедры гражданского права
Новосибирского военного ордена Жукова института
имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации.
e-mail: civilization1981@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИИ И ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Аннотация. Авторское обобщение и анализ актуальных данных о мероприятиях антикоррупционного регулирования отношений государственной службы позволяют подчеркнуть их практическую результативность и рассмотреть перспективность развития нормативной базы и целевого правоприменения цифровых технологий и искусственного интеллекта в рассматриваемой сфере правоотношений. В числе имеющихся факторов, сдерживающих более эффективное развитие антикоррупционных практик, использующих инновационные информационные методы, автор называет недостаточность их теоретической проработанности и, следовательно, отсутствие должной нормативной урегулированности, юрисдикционной практической применимости условий и оснований допустимости доказательств, получаемых посредством применения инструментария искусственного интеллекта. В статье формулируется авторский целевой вопрос о потребности в выработке и нормативном закреплении практической методологии правового оценивания результатов, получаемых от систем искусственного интеллекта, и о связанных с этим перспективах развития института общественного контроля в целях противодействия коррупции.

Ключевые слова: цифровизация государственного управления, механизмы общественного контроля, электронное правительство, информационная система «Посейдон», китайская система «Zero Trust», правовое регулирование технологий искусственного интеллекта, преступления коррупционной направленности.

АБАКУМОВА Ekaterina Borisovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Senior Researcher of the Social and Legal Research Department
of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Associate Professor of the Civil Law Department o
f the Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard of the Russian Federation

THE PROSPECTS OF USING DIGITAL TECHNOLOGY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS IN THE PUBLIC LAW FIGHT AGAINST CORRUPTION

Annotation. The author's generalization and analysis of current data on anti-corruption regulation measures of public service relations make it possible to emphasize their practical effectiveness and consider the prospects for the development of a regulatory framework and targeted enforcement of digital technologies and artificial intelligence in the field of legal relations under consideration.

Among the existing factors hindering the more effective development of anti-corruption practices using innovative information methods, the author cites the lack of their theoretical elaboration and, consequently, the lack of proper regulatory regulation, the jurisdictional practical applicability of the conditions and grounds for the admissibility of evidence obtained through the use of artificial intelligence tools. The article formulates the author's objective question about the need for the development and normative consolidation of a practical methodology for the legal assessment of the results obtained from artificial intelligence systems, and the related prospects for the development of the institute of public control in order to combat corruption.

Key words: digitalization of public administration, mechanisms of public control, electronic government, Poseidon information system, Chinese Zero Trust system, legal regulation of artificial intelligence technologies, corruption crimes.

Практически все современные публично-государственные образования, де-юре и де-факто относящиеся к категории правовых государств, прилагают значительные усилия в борьбе с коррупцией, что в свою очередь послужило разработке соответствующих рекомендаций на уровне международных организаций. Антикоррупционная деятельность государства рассматривается в теории политических технологий и государственного управления как совокупность мер публично-правового воздействия, ориентированных на системное предупреждение, своевременное выявление и пресечение коррупционных правонарушений, методологически определяемая, нормативно закрепляемая и практически реализуемая с учетом комплекса правовых, экономико-социальных, организационно-образовательных и информационных аспектов [1, с 91].

Конвенция ООН против коррупции стала одним из базовых документов, который определил национальные антикоррупционные стратегии для нашей страны, послужив основой для успешной реализации государственной антикоррупционной политики. В силу требований Конвенции был принят Национальный план противодействия коррупции, коррупционные преступления по субъектному составу и прочим квалифицирующим характеристикам были выделены в отдельный блок, предусмотрены меры по предупреждению коррупции и правовой защите заявителей о коррупции. Опираясь на опыт международного сообщества, Россия создала свою собственную нормативную правовую базу, направленную на искоренение данного негативного и дестабилизирующего социального явления в органах власти и обществе в целом. В 2008 году был принят специализированный Федеральный закон «О противодействии коррупции», который стал основой для интеграции антикоррупционных норм в специализированный кластер нормативных правовых актов, включающий на сегодняшний день более 120 актов только федерального уровня. В результате активного законодательного процесса произошли существенные изменения и в правоприменительной практике, которые, без сомнения, при-

вели к повышению эффективности мер по борьбе с коррупцией в стране. Однако несмотря на успехи последних лет, коррупция в органах государственной власти в России все еще остается на высоком уровне – по Индексу восприятия коррупции, составляемому международной неправительственной организацией Transparency International, в 2024 году Россия набрала лишь 22 балла из 100, существенно снизив позицию в рейтинге стран по данному показателю по сравнению с прошлым годом (в 2023 году Индекс коррупции в России составлял 26 баллов; исторический максимум был достигнут в 2020 году – 30 баллов) [10]. Не последнюю роль в такой отрицательной динамике сыграло прекращение членства России в Совете Европы (СЕ) и как следствие – прекращение членства Российской Федерации в Группе государств против коррупции (ГРЕКО) и выход из Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию. Кроме того, в связи с проведением СВО и необходимостью защиты персональных данных публичных лиц в стране произошел откат назад в реализации значимых антикоррупционных практик – декларировании доходов и имущества депутатов и сенаторов. С 1 марта 2023 года в силу вступил закон, согласно которому декларации российских сенаторов и депутатов публикуются в открытом доступе без личных данных – обнародуется только обобщенная статистическая информация о количестве поданных деклараций. Также произошло существенное законодательное упрощение порядка декларирования доходов региональных и муниципальных депутатов, а муниципальные и региональные парламентарии, работающие на общественных началах, были освобождены от ежегодного декларирования доходов.

Вместе с тем, в нашей стране наблюдается устойчивая положительная динамика по выявлению преступлений коррупционной направленности – по статистике Генпрокуратуры за первые шесть месяцев 2024 года в России было выявлено 10 251 человека, совершившего коррупционные преступления. Это самый высокий полугодовой показатель за последние 13 лет. За аналогичный период 2023 года было зарегистрировано 9 917

коррупционеров, в 2022 году – 9 880, в 2021 году – 8 792 человека. Надо понимать, что коррупционные преступления являются по своей сути высоколатентными, поэтому рост показателей статистики свидетельствует не о росте совершенных, а об увеличении выявленных преступлений. Также растет число обвинительных приговоров по делам коррупционной направленности – за прошедший год суды вынесли 21 729 обвинительных приговора по основной и дополнительной квалификации по составам преступлений коррупционной направленности (для сравнения, в 2023 году – 22 014, в 2022 году – 20 560, в 2021 году – 9621) [11]. Закономерно предположить, что резкий рост числа осужденных за коррупционные преступления начиная с 2022 года обусловлен дефицитом бюджета в связи с проведением СВО и сопутствующими экономическими проблемами – государство стало активнее интересоваться вопросом эффективности расходования бюджетных средств, что, безусловно, положительно. Однако не вызывает сомнений, что существенный вклад в успешность антикоррупционной борьбы последних лет был также внесен развитием цифровых и информационных технологий, существенно расширяющих практические возможности правоохранительных органов по выявлению различных коррупционных цепочек и дополнительных преступных эпизодов.

В современном мире использование цифровых технологий стало необходимым условием для успешного функционирования и адаптации практически всех социальных институтов, и публичная власть не исключение [2]. Внедрение новых технологических решений позволяет оптимизировать процесс публичного управления, открывает новые возможности для реальной борьбы с коррупцией и создает современную платформу для достижения многогранного межотраслевого эффекта. В настоящее время Россия находится в процессе активного внедрения информационных технологий в сферу государственного управления как части общей стратегии «цифровой трансформации» публичной власти. Применение цифровых технологий стало определяющим условием современной антикоррупционной стратегии России, что нашло отражение в приоритетах государственной политики обозначенных в рамках Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» по направлению «Цифровое государственное управление». Данная программа призвана не только модифицировать различные аспекты государственного управления, но и служить основой для формирования новых подходов и механизмов для противодействия коррупции в органах власти. В качестве ключевого показателя программа устанавливает

увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 % к 2030 г. Цифровая трансформация в сфере государственного управления представляет собой что-то большее, чем просто использование современных технологий, – она является стратегическим элементом, играющим решающую роль в повышении прозрачности и доступности государственных институтов для внешнего контроля, которые в соответствии с Федеральным законом от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» являются обязательным требованием для органов власти Российской Федерации. Этот аспект цифровизации нельзя недооценивать, поскольку он формирует необходимые условия для повышения эффективности мер, направленных на противодействие коррупции. Цифровая трансформация способна качественно изменить традиционные модели взаимодействия государства, общества и личности, обеспечивая тем самым более высокий уровень профилактики и противодействия различным формам коррупционных правонарушений. В контексте современных вызовов, связанных с коррупционными рисками, именно цифровые решения, такие как системы электронного документооборота и платформы для открытых данных, позволяют создать условия для мониторинга и аудита деятельности государственных органов, что, в конечном счете, способствует инновационной трансформации самого механизма государственного управления. Это означает, что цифровизация может рассматриваться как одна из наиболее эффективных и многообещающих стратегий в борьбе с коррупцией. При этом следует отметить, что открытость и доступность информации, получаемой посредством цифровых технологий, оказывают комплексное воздействие на антикоррупционную практику. Увеличение объемов доступной для общества информации о деятельности властных структур не только способствует формированию общественного контроля, но и создает атмосферу, в которой коррупционные схемы становятся менее осуществимыми. Такая атмосфера служит профилактическим препятствием для потенциальных коррупционеров, поскольку увеличивает вероятность обнаружения неправомерных действий [3, с 54]. Таким образом, установка на цифровую трансформацию государственных процессов представляет собой не просто актуальную необходимую меру, а целенаправленную комплексную стратегию, способствующую формированию эффективной антикоррупционной среды. Цифровизация государственного управления, интеграция механизмов контроля и мониторинга через

цифровые платформы ведет не только к повышению его эффективности и прозрачности, но и становится важной основой для формирования новой правовой культуры, основанной на принципах открытости и вовлеченности граждан в общественные процессы, что позволит не только снизить уровень коррупции, но и значительно повысить доверие граждан к институтам власти, тем самым содействуя их устойчивому развитию и укреплению демократии.

Важно понимать, что для достижения этих целей необходимо осуществление комплексных реформ и постоянное совершенствование законодательной базы, обеспечивающей баланс прав граждан и государства в условиях развития цифровых технологий. Российская Федерация представляет собой демократическое правовое государство с республиканской формой правления, которое основано на принципах верховенства права и обеспечения прав и свобод человека как важнейших ценностей государственной организации власти [4]. Система конституционных принципов, формирующая нормативную правовую основу государства, требует реализации декларированных правовых гарантий, чтобы избежать узурпации властных полномочий, которые народ делегирует своим представителям, и их применения в узкокорыстных интересах отдельных лиц или их групп [5]. Важнейшую роль в реализации конституционных правовых гарантий осуществляют институты общественного контроля, через которые граждане и различные негосударственные некоммерческие организации могут осуществлять надзор за деятельностью органов публичной власти. Такие институты общественного контроля посредством механизмов прозрачности и отчетности призваны следить за решениями, которые принимаются на уровне государственных структур, а также за действиями органов и учреждений, выполняющих определенные публичные функции, что, в свою очередь, является основой для стабилизации социальной среды и построения эффективного гражданского общества. Реализация, защита и охрана соответствующих прав и свобод граждан и различных групп граждан является обязанностью всех государственных органов. Ни один орган власти не может действовать вне рамок этой юридической обязанности, что подчеркивается как основными положениями Конституции Российской Федерации, так и многочисленными законами, регулирующими сферу прав человека. Таким способом, путем обеспечивая межотраслевых гарантий прав и свобод человека через механизмы общественного контроля, государство стремится к достижению сбалансированности интересов власти и общества, направляя данный механизм на предотвращение корруп-

ции и должностных злоупотреблений. Это служит основой для текущего и будущего экономического развития на базе формирования правового государства, в котором через повышение правосознания общественности и формирование активной гражданской позиции населения происходит усиление контроля над деятельностью лиц, наделенных властными полномочиями, со стороны гражданского общества и его институтов, не оставляя пространства для должностного произвола и коррупционных преступлений.

Важнейшим инструментом гражданского участия в борьбе с коррупцией на современном этапе развития становятся цифровые и информационные технологии. Модель электронного правительства, внедряемая в России, служит в числе прочего цели повышения прозрачности и публичности управленческих процессов, подразумевая использование современных информационных технологий и цифровых платформ для достижения более открытого взаимодействия между государственными институтами и гражданским обществом. В рамках этой модели акцент ставится на доступность информации, участие граждан в процессах принятия решений, а также на возможность мониторинга хода и показателей государственной деятельности. В рамках развития концепции электронного правительства в России были созданы такие сервисы как Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), Единый портал Госуслуг (ЕПГУ), Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет» (ЕПБС), Единая информационная система в сфере закупок (ЕИС), Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации (ЕИСУ), Единый портал прокуратуры Российской Федерации (СПО ЕПП), Государственная автоматизированная система правовой статистики (ГАС ПС), Государственная информационная система ЖКХ (ГИС ЖКХ) и другие.

Исследования, проведенные в большинстве стран, где была реализована стратегия электронного правительства, подтверждают существование заметных изменений в антикоррупционных показателях. Согласно данным Всемирного банка, внедрение электронных сервисов и систем управления значительно снижает риски коррупции, так как сделанные в электронном формате документы подвержены меньшему количеству манипуляций и позволяют легче отслеживать фактические действия чиновников, способствуют формированию более эффективных механизмов контроля и должностной подотчетности [12]. Следует отметить, что Россия входит в число стран с очень

высоким уровнем развития «электронного правительства», занимая 43 место в рейтинге стран по индексу E-Government Development Index (EGDI), который раз в два года публикует Департамент экономического и социального развития ООН. В 2024 году Россия по EGDI получила 0,8532 балла, немного опередив по данному показателю среди развитых стран Канаду [13].

Для успешной цифровизации государственного управления в контексте антикоррупционных мер необходимы механизмы, направленные не только на создание электронного правительства, но и на осуществление цифрового мониторинга эффективности работы этой системы. Большим шагом в данном направлении стало внедрение в нашей стране в 2022 году государственной информационной системы «Посейдон», целью которой является информационно-аналитическое обеспечение работы государственных органов и организаций, сосредоточенных на предотвращении коррупционных и иных правонарушений. Эта система призвана проводить анализ соблюдения законодательства, связанного с антикоррупционной деятельностью, а также проверять выполнение установленных норм и требований. Ключевая функция системы «Посейдон» заключается в автоматизации процессов сбора, хранения и анализа данных – система формирует статистическую и аналитическую информацию по вопросам соблюдения законодательства и осуществляет мониторинг действий государственных служащих, потенциально нарушающих антикоррупционные предписания, путем сбора, обобщения и анализа больших данных. Функционал «Посейдона» позволяет аккумулировать информацию о государственных служащих, включая данные не только о поданных ими декларациях, но и о возможных конфликтах интересов и других факторах, потенциально способствующих коррупционной деятельности. Данная система интегрируется с несколькими государственными базами данных, такими как Федеральная налоговая служба, Росфинмониторинг, Росимущество, что создает более полное представление о проверяемых лицах и их возможных коррупционных связях. Предполагается, что в будущем система «Посейдон» сможет формировать цифровой портрет потенциального коррупционера, отслеживая и анализируя связи должностных лиц через социальные сети и другие источники информации.

В мировой практике уже имеются прецеденты использования подобных систем на базе технологии искусственного интеллекта. В этом отношении наиболее интересен опыт Китая, где в 2012-2019 гг. была апробирована система «Zero Trust» («нулевое доверие»), обрабатывающая информацию из 150 закрытых правительственных

и местных баз данных для перекрестного контроля и спутниковых фотографий для проверки активности мероприятий по госконтрактам. За это время система выявила свыше 8000 нарушений коррупционного характера, хотя мониторинг был развернут только в 30 городах Китая, далеких от крупных политических центров. В 2019 году работа системы была приостановлена в связи с противодействием со стороны государственных служащих [14].

Модель «Zero Trust» представляет собой комплексную информационную архитектуру, которая в контексте борьбы с коррупцией проявляет свою эффективность благодаря применению многоуровневых алгоритмов анализа данных, позволяющих не только идентифицировать, но и системно анализировать поведенческие паттерны государственных служащих. Одним из центральных аспектов функционирования системы является выявление аномалий в финансовом поведении должностных лиц. К признакам коррупционного поведения могут относиться такие индикаторы, как резкое увеличение сбережений на банковских счетах чиновников или приобретение ими, либо членами их семей, дорогостоящих объектов, будь то автомобили, недвижимость или другие активы высокой стоимости. Система «Zero Trust» не ограничивалась мониторингом индивидуальных транзакций, она сопоставляла полученные данные с результатами государственных заданий, торгов и контрактов, что создавало возможность для детекции подозрительных транзакций в таких стратегически значимых областях, как государственная приватизация, строительство инфраструктурных объектов, процесс выкупа земельных участков, снос домов, осуществление закупок и т.д. На основе полученных данных система осуществляла расчет вероятности коррупционной связи, и если вероятность, вычисленная на основе алгоритмов, превышала установленный порог, то система уведомляла ответственных операторов для инициации дальнейшей юрисдикционной проверки или расследования. Считаем актуальным возможность рассмотрения схожих концептуальных и технологических подходов к выявлению коррупционно рискованных ситуаций и отношений с участием замещающих государственные должности лиц в антикоррупционной деятельности Российской Федерации, что будет служить развитию и совершенствованию регулятивных механизмов обеспечения соблюдения публичных и общественных интересов.

Как верно отмечается в литературе, китайский эксперимент с применением системы «Zero Trust» позволяет выявить критически важные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в антикоррупционной деятельности

государства [6]. Специфика алгоритмов, используемых в данной системе, предполагает их высокую сложность и анализ данных по принципу «черного ящика», что может ограничивать понимание получаемых результатов. Идентифицируя коррумпированных государственных служащих, «Zero Trust» не предоставляла возможность объяснить логику выбора, поэтому в подавляющем большинстве случаев «попавшимся» чиновникам были сделаны лишь предупреждения.

Таким образом, современное развитие технологий в области искусственного интеллекта сталкивается с практической проблемой недостаточной объяснимости принятых решений, что значительно ограничивает возможности использования таких технологий для антикоррупционной борьбы, несмотря на их высокую продуктивность в выявлении коррупционных признаков и схем. Это обстоятельство подталкивает к необходимости формулирования четкого правового статуса для систем, основанных на технологии искусственного интеллекта. Один из подходов, касающийся регулирования использования искусственного интеллекта, предлагает избирательное применение норм, аналогичных законодательству об ответственности за действия животных. Авторы считают возможным провести параллель с поведением служебных собак, используемых для поиска по запаху: указание животного на конкретное лицо не может рассматриваться как достаточное доказательство его виновности, однако оно становится основанием для дальнейших расследований и сбора более убедительных доказательств, осуществляемых уполномоченными органами. Это подход соответствует принципу «достоверности» в праве, согласно которому любое доказательство должно быть проверяемым и обоснованным в рамках соответствующей юридической процедуры [7, с 50].

Действительно, в научной литературе имеются различные теоретические подходы к правовому положению искусственного интеллекта в структуре элементов как публично-правового, так и частного правоотношения; этому следует и различность в возможных оценках степени юридической самостоятельности содержания и результатов его технологического целевого, в том числе антикоррупционного применения. При этом подчеркивается, что фундаментальной и методологической основой создания правовых основ регулирования искусственного интеллекта и его производных технологий должны являться этические нормы и правила, базирующиеся на постулате о приоритетности обеспеченности прав человека в любом виде правоотношений, в которых задействован искусственный интеллект [8]. При таком подходе нормативное и правоприменительное

восприятие и толкование результатов применения технологий искусственного интеллекта в антикоррупционной деятельности государства, где прямо и в максимально возможной степени затрагиваются государственные и общественные интересы, а также обеспечивается защищенность законных прав частных лиц, в том числе государственных служащих, должно происходить с пониманием юрисдикционной производности показателей и результатов применения рассматриваемых технологических средств. Считаем, что определение, рассмотрение и оценивание применимости искусственного интеллекта в целях информационной антикоррупционной работы государственных и общественных институтов подлежит осуществлению именно с прикладной точки зрения, а, следовательно, вспомогательной, но при этом методологически значимой, имея ввиду его практически неограниченный технологический инструментарий.

Сказанное означает, что на данном этапе развития технологии искусственного интеллекта должны восприниматься как вспомогательные инструменты, которые могут служить основой для последующего углубленного сбора и анализа доказательств, проводимого квалифицированными специалистами и компетентными должностными лицами, для принятия окончательного юридически обоснованного решения. Только нормативное определение четких правовых критериев для оценки выводов систем искусственного интеллекта способно обеспечить их легитимность в глазах общества и правосудия.

В дополнение к совершенствованию обозначенной системы антикоррупционного мониторинга, необходимо инициировать научные исследования в области адаптации технологий искусственного интеллекта для нужд общественного контроля над деятельностью государственных структур. Акцент должен быть сделан на теоретически и аналитически обоснованном определении перспектив и ограничений использования таких технологий, что позволит выработать более качественную правовую основу для их интеграции в организацию деятельности контролирующих субъектов. В условиях современных вызовов, стоящих перед институтом общественного контроля, становится очевидным, что его организация и реализация мероприятий требуют инновационного подхода с учетом стремительного развития технологий искусственного интеллекта. Использование технологий искусственного интеллекта может существенно повысить оперативность анализа результатов мероприятий общественного контроля, включая возможность мониторинга в режиме реального времени. Такой подход позволяет не только адаптировать методы и формы

контроля к текущим условиям, но и осуществлять их масштабирование в зависимости от выявленной эффективности. Это открывает новые горизонты для повышения качества мониторинга и оценки мероприятий, что является особенно актуальным в условиях динамично меняющегося правового и социального контекста. Изложенные заключения основываются на современной авторитетной оценке текущих тенденций соотношения искусственного интеллекта и права как общественного регулятора, сформулированного, в частности, И.Ю. Богдановской о том, что «искусственный интеллект не привел к смене парадигм в праве... и ... нормативизм продолжает доминировать в его оценке», при этом происходит внедрение и инкорпорация технологической методологии в традиционную нормативную формально-логическую методологию правового исследования и правового регулирования [9].

Пока же в нашей стране существует явное несоответствие между требованиями современного общества к прозрачности, эффективности и надежности механизмов общественного контроля и действующей правовой реальностью. Открытие новых исследовательских горизонтов в данной области подразумевает комплексный пересмотр законодательной базы, в частности, формулирование и обсуждение соответствующих изменений в Федеральном законе от 21 июля 2014 года №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», закрепляющих основы, порядок и методы применения технологий искусственного интеллекта в данном контексте. Важным шагом может стать инициатива Правительства Российской Федерации по запуску федеральных программ, направленных не только на развитие технологий искусственного интеллекта в целом, но и на создание специфических решений для общественного контроля, что будет способствовать формированию более устойчивой правовой среды и укрепит основы демократии в Российской Федерации.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что антикоррупционная политика представляет собой фундаментальный элемент государственного управления, который на современном этапе исторического развития следует курсу укрепления правовых основ, повышения прозрачности, цифровизации публичных услуг, а также систематического мониторинга и оценки эффективности применяемых инициатив. Цифровизация и внедрение технологий искусственного интеллекта существенно трансформируют традиционные подходы к государственному управлению. В настоящее время право на доступ к информации становится неотъемлемым элементом демократического

общества, защищенным соответствующими международными и национальными нормами. В мировой практике разработка и реализация доктрины противодействия коррупции опирается на разнообразные модели и принципы, которые являются частью концепции «электронного правительства», подразумевающей внедрение цифровых и информационных механизмов, направленных в числе прочего на обеспечение транспарентности и подотчетности государственных органов гражданам и их объединениям. В целом, складывающаяся в России тенденция на более активное внедрение цифровых технологий и искусственного интеллекта в публичную сферу государственного управления, можно оценивать положительно, что, в том числе, актуализирует вопрос о выработке и нормативном закреплении методологии правового оценивания результатов, получаемых от систем искусственного интеллекта, и о перспективах развития института общественного контроля в антикоррупционной деятельности государства с их применением.

Список литературы:

- [1] Гарбатович Д.А. Проблемы внедрения и соблюдения в России международных антикоррупционных стандартов // Закон. 2022. №4. С. 91-100.
- [2] Рувинский Р.З. Регулирование на основе данных: от верховенства права к публичным программам лояльности // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 123-147.
- [3] Корреляция мер по противодействию коррупции с причинами и условиями ее возникновения: научно-методическое пособие / Е.И. Добролюбова, А.В. Павлушкин, Э.Л. Сидоренко [и др.] ; под ред. В.Н. Южакова, А.М. Цирина. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2023. 156 с.
- [4] Гагиева Х. И., Костоева Ф. М. Роль государственных органов в борьбе с коррупцией в гражданской службе // Российский научный вестник. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstvennyh-organov-v-borbe-s-korrupsiei-v-grazhdanskoy-sluzhbe> (дата обращения: 20.11.2025).
- [5] Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни. // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 164-189.
- [6] Минбалеева А.В., Евсикова К.С. Информационные технологии противодействия коррупции // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2021. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения: 22.11.2025).

[7] Решетникова И.В. Современные тенденции развития доказывания в арбитражном, гражданском и административном процессуальном праве // Закон. 2025. №2. С. 50-58.

[8] Белозерцева В. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Пробелы в российском законодательстве. 2024. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-2> (дата обращения: 22.11.2025).

[9] Богдановская И., Васякина Е., Волос А., Данилов Н., Егорова Е., Калятин В., Карпенко О., Салихов Д. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravo-1> (дата обращения: 22.11.2025).

[10] Россия - Индекс коррупции // Trading Economics [Сайт]. - URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/corruption-index> (дата обращения: 22.11.2025).

[11] Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Сайт]. - URL: <https://cdep.ru/?id=150> (дата обращения: 22.11.2025).

[12] Борьба с коррупцией – информационная справка, 19 февраля 2020 // Всемирный банк [Сайт]. - URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/factsheet/2020/02/19/anticorruption-fact-sheet> (дата обращения: 22.11.2025).

[13] E-Government Development Index by Country December 2024 // The World Ranking [Сайт]. - URL: <https://www.theworldranking.com/statistics/712/e-government-development-index-by-country/> (дата обращения: 22.11.2025).

[14] Is China's corruption-busting AI system 'Zero Trust' being turned off for being too efficient?, 4 Feb 2019 // South China Morning Post [Сайт]. - URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2184857/chinas-corruption-busting-ai-system-zero-trust-being-turned-being> (дата обращения: 22.11.2025).

References:

[1] D.A. Garbatovich. Problems of implementation and observance of international anti-corruption standards in Russia//Law. 2022. №4. S. 91-100.

[2] Ruvinsky R.Z. Data-driven regulation: from the rule of law to public loyalty programs//Antinomy. 2023. Vol. 23, no. 1. S. 123-147.

[3] Correlation of anti-corruption measures with the causes and conditions of its occurrence: scientific and methodological manual/E.I. Dobrolyubova, A.V. Pavlushkin, E.L. Sidorenko [and others]; ed. V.N.

Yuzhakova, A.M. Tsirina. - M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2023. 156 pp.

[4] Gagieva Kh. I., Kostoeva F. M. The role of state bodies in the fight against corruption in the civil service//Russian Scientific Bulletin. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstvennyh-organov-v-borbe-s-korrupsiey-v-grazhdanskoj-sluzhbe> (дата обращения: 20.11.2025).

[5] Mochalov A.N. Digital traces of man and privacy //Antinomies. 2024. Vol. 24, no. 4. S. 164-189.

[6] Minbaleeva A V., Evsikova K S. Information technologies for combating corruption//SFU Journal. Humanities. 2021. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения: 22.11.2025).

[7] Reshetnikova I.V. Current trends in the development of evidence in arbitration, civil and administrative procedural law//Law. 2025. №2. S. 50-58.

[8] Belozertseva V.V. Legal regulation of artificial intelligence//Gaps in Russian legislation. 2024. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-2> (дата обращения: 22.11.2025).

[9] Bogdanovskaya I, Vasyakina E, Volos A, Danilov N, Egorova E, Kalyatin V, Karpenko O, Salikhov D. Artificial intelligence and law//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravo-1> (дата обращения: 22.11.2025).

[10] Russia - Corruption Index//Trading Economics [Website]. - URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/corruption-index> (дата обращения: 22.11.2025).

[11] Data of judicial statistics on corruption cases//Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Website]. - URL: <https://cdep.ru/?id=150> (access date: 22.11.2025).

[12] The fight against corruption - information note, February 19, 2020//World Bank [Website]. - URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/factsheet/2020/02/19/anticorruption-fact-sheet> (дата обращения: 22.11.2025).

[13] E-Government Development Index by Country December 2024 // The World Ranking [Сайт]. - URL: <https://www.theworldranking.com/statistics/712/e-government-development-index-by-country/> (дата обращения: 22.11.2025).

[14] Is China's corruption-busting AI system 'Zero Trust' being turned off for being too efficient?, 4 Feb 2019 // South China Morning Post [Сайт]. - URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2184857/chinas-corruption-busting-ai-system-zero-trust-being-turned-being> (дата обращения: 22.11.2025).